

Владислав Хохлов

Соломоновы сыны

или
Книга, в которой собраны
три тысячи правильных ответов
на один вопрос.

роман-лабиринт

Владислав Хохлов

**«СОЛОМОНОВЫ СНЫ» или
Книга, в которой собраны
три тысячи правильных
ответов на один вопрос.**

«Автор»

2026

Хохлов В.

«Соломоновы сны» или Книга, в которой собраны три тысячи правильных ответов на один вопрос. / В. Хохлов — «Автор», 2026

«Книга, которую я сейчас читаю, кажется сотканной из паутины мимолетных видений, и похожа на сон, такой же смутный, как предрассветный туман, и такой же изнуряющий, как неизлечимая болезнь, от которой седеют волосы, а память забывает имена. В нем, словно в призрачном зеркале, читатель видит не только отражение самого себя, но и целого мира вокруг, где, как известно, не существует ни прошлого, ни будущего, а есть только жизнь и смерть. Поэтому для того, чтобы проснуться, недостаточно просто прочитать эту книгу до конца — ее нужно внутри себя еще и прожить».

Содержание

От издателя	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владислав Хохлов

«Соломоновы сны» или Книга, в которой собраны три тысячи правильных ответов на один вопрос.

От издателя

Всякому, кто откроет эту книгу, следует знать, что он окажется в еще более затруднительном положении, чем его предшественники, которым довелось держать в руках ее первоначальное издание от 1759 года, поскольку в нынешнем (втором по счету) собраны лишь некоторые чудом уцелевшие фрагменты и без того весьма запутанной и противоречивой повести, какой ее считал даже сам автор, выдающийся немецкий ученый-лексиколог Иоганн Сарториус. По его же признанию, она мало чем отличалась от самого настоящего лабиринта. Любой мог бы запросто потеряться в ней среди бесчисленных извилистых троп, обманчивых разветвлений и непредсказуемых тупиков, что, например, и произошло с одним беспечным бароном из Вестфалии, который пустился в ее изучение с неподобающим легкомыслием, и чьи многолетние отчаянные блуждания в поисках выхода закончились лечебницей для душевнобольных.

Поэтому издатель настоятельно не рекомендует приниматься за чтение повести без особой необходимости, а тех, кто все же возьмется (на свой страх и риск), вынужден предупредить еще раз, что тот умозрительный путь, который от страницы к странице придется терпеливо прокладывать уже современному читателю, будет безусловно тернист и полон самых неожиданных препятствий.

Тем не менее, при должном упорстве и, конечно, определенной доле везения, его можно осилить, пройдя до конца, и даже — немного дальше, если душа вдруг осмелится. На этот случай сразу за последней главой предусмотрено несколько чистых листов, чтобы по тонким следам от чернил, оставленных на бумаге, она сумела потом когда-нибудь вернуться назад. Впрочем, пока не будем опережать события. Для начала надо решить, стоит ли вообще испытывать свою судьбу, затеявая нечто подобное, ведь заранее нельзя предугадать, куда и, главное, к чему это все приведет.

Здесь, пожалуй, пригодится дельный совет не раз упоминаемого в повести легендарного вора Абу Бакра Аль-Хиджази, (который украл бы даже сон у спящего, если бы был уверен, что тому снится золото), чьи слова, сказанные незадолго до казни, могут заодно послужить своеобразным напутствием:

«Непрочитанная книга что чужой сундук — никогда не знаешь, есть ли в нем что-нибудь ценное, пока не откроешь. Дело это азартное, дерзкое и несомненно опасное, хотя нужно ли хитрому вору беспокоиться об опасностях? Единственное, что должно его волновать, — это как самому не угодить в ловушку своей собственной хитрости. А уж насколько удачным окажется улов, зависит только от того, *тот* лисундук он выбрал...»

Глава 1

*"Мир - это лабиринт, в котором
человеческая душа должна
скитаться до тех пор, пока не
освободится"*

Ипполит, III век н.э.

Ранней осенью 1682 года, когда Юпитер находился в Раке, а Сатурн во Льве, в почерневшем небе над Фландрией зажглась дивная звезда с распущенными, как у прелестной девы, длинными сияющими волосами. В числе первейших свидетелей ее внезапного появления оказался бывший придворный астролог Якоб Энгелар, который, несмотря на свой преклонный возраст, сразу же узнал ее.

Он вспомнил, как однажды в детстве отец уже показывал ему из верхних окон самой рослой колокольни в Брюгге это чудо.

— Запомни, — говорил он сыну в столь же поздний час, кусая кулак, чтобы не зевнуть, — о женской красоте судят по длине волос. Так что любуйся ими, пока они целы.

Но Якоб будто ничего не слышал. Заглядывая в круглое увеличительное стеклышко, купленное по случаю у заезжих цыган, он стоял как замороженный, не в силах оторваться от поразительной картины, открывшейся ему перед взором. Звезда казалась мальчику такой близкой, как если бы до нее можно было дотронуться, просто протянув руку. Он рассматривал ее с небывалым восторгом и трепетом, еще не догадываясь, что пытлиное око теряет зоркость быстрее ленивого, а красотой можно заболеть, как и бессонницей, на всю жизнь. И хоть потом, подобно накипи, наслоилось более семи десятков лет, Якоб не забыл ни широты распахнутого настежь небосвода, ни поучительных слов отца, сказанных тогда будто в шутку, ни той загадочной блуждающей звезды, свидание с которой навсегда определило его дальнейшую судьбу.

— Куда глаза, туда и мысли, — сгорбившись над окуляром телескопа, чуть слышно пробормотал старик. Вспоминая то прекрасное и удивительное время, он смахивал с лица редкие слезы и думал: хорошо, когда жизнь заканчивается тем же, с чего началась.

Далеко за полночь Якоб наконец отвлекся и зажег свечу. С трудом передвигаясь, он кое-как спустился по скрипучей лестнице к себе в спальню, где тлел камин и было чуть теплее, чем в обсерватории. Там, по своему обыкновению, он взялся за перо, но споткнулся на первой же букве и упал в сон — глубокий и пустой, как высохший колодец, на дне которого, скрестив ноги по-турецки, уже сидел какой-то человек и курил трубку. Клубы сизого дыма медленно плавали перед ним, подобно огромным медузам, наполняя своим тягучим движением падавший откуда-то сверху тусклый луч света. Он выхватывал из окружающей тьмы лишь руки и колени незнакомца, не позволяя толком разглядеть ни его лица, ни одежды. Размеренно покачиваясь вперед и назад, он еще какое-то время молча курил, держа чубук в правой руке, показавшейся Якобу на четверть или даже на треть короче левой.

— Это не твой сон, а мой, потому что я тебя знаю, а ты меня — нет, — неожиданно произнес он глухим бесстрастным голосом. — Ты жив, пока я сплю, а как только проснусь — умрешь.

Якоб вздрогнул, а человек тем временем продолжил:

— На заре, когда луга Валахии омоются утренней росой, в походном лагере моего господина трижды ударят в колокол, который разбудит меня, как и всех остальных. Так что, если

не хочешь, чтобы потерялось всё, что было собрано теми из нас, кто жил до тебя, для тех, кто будет жить после, — поторопись! Рассвет уже близок...

Замолчав, он снова затянулся трубкой, после чего выпустил в сторону Якоба струю такого густого и едкого дыма, что у того заслезились глаза и зашипало в горле. Якоб невольно зажмурился, пытаясь сдержать подступивший кашель, и в тот же миг очнулся.

«На каких бы языках ни говорили двое, во сне один всегда поймет другого», — вдруг подумал он, когда опомнился.

Все произошло так быстро, что Якоб даже не успел пошевелиться. Его скрюченные пальцы еще прижимали к бумаге перо, на кончике которого набухшая капля чернил уже грозила превратиться в кляксу, и он без промедления продолжил с того же места, где остановился. Однако, вместо намеченной заметки о проведенных наблюдениях он написал своим ученикам *epistola propemptica* («прощальное письмо»), более известное среди исследователей его немногих сохранившихся трудов как

Предисловие автора к еще ненаписанной книге

«Теперь, когда мое лицо и волосы стали одного цвета, я, Якоб Энгелар, могу сказать вам, что так и жил бы на старости лет в глухоте, как в глубокой яме, не будь у меня по милости божьей внутреннего слуха. Этот чудный дар, доставшийся мне, может быть, и не вполне заслуженно, наполняет собой пустоту моего одиночества и спасает от забвения. Благодаря ему, я слышу голоса ночных светил так же хорошо, как раньше слышал человеческую речь, пока однажды черт не плюнул мне в уши. Но не зря же говорят — нет худа без добра, вот и мне грех жаловаться.

Знаю, я кажусь вам нелепым, иначе вы бы не посмеивались у меня за спиной, считая жалким стариком, выжившим из ума. Немного смеха никому еще не повредило, так что смейтесь себе на здоровье. Только помните: звезды хоть и далеки от нас, зато — к богу ближе. Ведь что еще их свет, как не сияние его вечной благодати? Потому и вам следует хоть изредка к ним прислушиваться. До тех же пор, пока мои глаза еще хоть как-то различают буквы, а пальцы могут удержать перо, я тоже буду рассказывать вам о том, что услышал. А если надоест читать, то отложите книгу в сторону и займитесь тем, чего просит душа. Я же буду ждать следующей встречи там, где многие ждали до меня и несомненно будут дожидаться после — во сне».

На последнем слове Якобу послышалось, бу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.